

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия. Современная литература — это...	5
Раздел 1. Читатель и писатель в поисках друг друга	12
Писатель как читатель: бытование автора в условиях «ридингфобии»	12
«Современную литературу нужно читать, потому что...», или Азбука чтения XXI века	29
Образ литературы в восприятии молодого читателя	45
Актуальная словесность в зеркале литературной премии	56
Современная критика как барометр литературного процесса	66
Раздел 2. Современная литература в историко-литературном контексте	97
Типология «словов» и «переходных эпох» в отечественной прозе: 1920 vs 1990-е	97
Сэлфи на фоне эпохи: из опыта определения литературного периода	108
«Новый реализм» современной прозы в контексте русского традиционализма	120
Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова	133
Взрослые игры: литературная мистификация как стратегия современной прозы	146
Вызовы молодежной культуры в интерпретации актуальной словесности XXI века	154
Петербургский акцент в литературе абсурда XX века	168
Современная литература в диалоге с кинематографом: притяжения и отталкивания	181
Раздел 3. Жанровые трансформации современной прозы	194
Современная антиутопия на страже чтения: традиции и новаторство	194

Травелог — новый старый жанр: случай Дины Рубиной	214
«Библиотравелог» в новейшей прозе для подростков: рождение жанра	224
Словарь как литературный жанр, или Новая тенденция современной прозы	237
Школа под высоким напряжением: к вопросу о трансформации жанра «школьной повести» в современной литературе	251
Раздел 4. Массовая, популярная, модная:	
читать или не читать?	266
Литературоцентричность современной массовой литературы и формирование читательской компетенции	266
«Пятьдесят оттенков розового» современного любовного романа и причины популярности жанра	287
«Сегодня в газете — завтра в куплете»: отражение современной истории в российской массовой литературе	301
«Опасная фамилия» русской литературы, или Анна Каренина как «наше все»	309

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Современная литература — это...

Многочисленные дискуссии о современной литературе, с одной стороны, и практически ежедневно появляющиеся книжные новинки, с другой, убеждают в том, что нельзя рассматривать современный литературный процесс как однолинейный, одноуровневый. Литературные стили и жанры явно не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Многоголосие новейшей литературы, отсутствие единого метода — одна из ярких черт новейшей литературы. Критик Е. Ермолин справедливо отмечает: «Литература — это главный текст русской культуры и главнейший ее контекст; и средоточие русской культуры — и наиболее достоверная родина. <...> Это фатальное заблуждение, что Россия способна существовать без актуальной духовно емкой литературы. Исторический опыт свидетельствует об обратном. Будущее России — это будущее ее литературы. Не будет значительной русской литературы — не будет и России. Возрождение России есть возрождение ее литературы, ее духовной жизни в личностном модусе»¹. Безусловно, новейшая литература, пестрая, неоднозначная, противоречивая, отражает наше столь непростое время рубежа веков и тысячелетий. Она не только рассказывает о современности, а скорее, ведет разговор с современниками, по-новому ставит вечные для человека вопросы быта и бытия.

Современная литература дает читателю, особенно читателю молодому, своеобразную связку ключей, с помощью которых можно открыть таинственную дверь, на которой написано «Мы. Начало XI века». «Перед нами разные концепции жизни, разные, почти ни в чем не совмещающиеся России — подобно тому, как почти ни в чем не совмещаются России Толстого, или Достоевского, Лескова или Чехова, Бунина или Андрея Белого. Книги враждуют, соперничают, тайно полемизируют друг с дру-

¹ Ермолин Е. Россия как литература: вчера и завтра // Октябрь. 2005. № 3. С. 178.

гом, и это соперничество кажется, во-первых, свидетельством художественной зрелости современной русской литературы, а во-вторых, примером того, сколь плодотворным, сколь увлекательным оказывается плюрализм, разномыслие и разноречие в пределах одной духовно-культурной парадигмы», — описывает современную литературу С.И. Чупринин.

Литературный процесс любой эпохи неизбежно предполагает конфликты и чередование старых и новых жанров; каноны, по которым живет основное направление литературы, могут изменяться со временем. Как правило, именно в период общественных потрясений размываются границы между жанрами, усиливается их взаимопроникновение и предпринимаются попытки реформировать старые жанры и создавать новые, чтобы придать свежее дыхание культуре в целом. Новой чертой современной культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и, как следствие, единообразие мотивов, сюжетов, приемов. Сегодня, когда практически нет единых критериев оценки художественных произведений и согласованной иерархии литературных ценностей, становится очевидной необходимость взгляда на новейшую литературу как на своего рода *мультилитературу*, т.е. как на конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур.

При превалирующем невнимании молодежи не только к современной литературе, но и к книге вообще все же необходимо обратить внимание на тот факт, что в социальных сетях постоянно формируются все новые и новые группы поклонников современной литературы. Вот названия некоторых: «Читать — модно — современная литература», «Поделитесь книгами с близкими своими», «Клуб ценителей настоящей литературы», «Чтение — дорога к знаниям и чудесный отдых» и др. Популярны среди молодых читателей различные сообщества книголюбов в блогах (например, «Библиофил», «Книжный бум» и др.). Блоги в какой-то степени становятся навигатором в безбрежном

океане современной мировой литературы (здесь даются советы по чтению, размещаются небольшие эссе о прочитанной книге, ведутся дискуссии по той или иной проблеме). Вот, например, какой совет дает молодой читатель: «Попробовали прочитать одно; если не понравилось — прочтите что-нибудь полегче. Со временем, быть может, вы сумеете накачаться для ее поднятия, хотя, может, и не сумеете, не все ведь штанги за 100 кг поднять могут»². Критик И. Фролов справедливо пишет, что «читатель замыкает литературную цепочку, он — потребитель, без него литературы нет. Читатель, если говорить высоким стилем, преобразует литературный импульс в социальное движение, и без него этот предмет остается предметом “самим по себе” (то, что по ошибке переводчика много лет считалось “вещью в себе”))»³.

Несмотря на индивидуальный характер процесса чтения, общения с книгой, их социальная ценность определяется не только личными установками читателя, но тесно коррелирует с ценностями всего общества. Интересные результаты дал опрос читателей разных возрастов с просьбой дать определение понятию «современная литература».

Фраза «я не читал, но я скажу», как дамоклов меч висевшая над русской литературой XX в., оказалась актуальной и сегодня. Типичны были такие высказывания: *«Современная литература для меня не особо современна, в том плане, что авторов-современников я почти не читаю. Вообще, мне кажется, что современных авторов лучше обходить стороной, ибо там ничего нет интересного, измельчала литература»*; *«Современная литература — это прошлое, которое описали сейчас, поэтому часто она мне неинтересна. Это чужой опыт, а мне тошно от своего»* или *«Современная литература — это краеугольный камень непрофессионализма, скороспелости и жажды наживы. Мне не интересны эти новинки. Я читаю классических авторов и философов»*.

² См. об этом подробнее: Самохина М. Молодые читатели в Интернете (Наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102.

³ Фролов И. Геометрия литературы. Декартова критика // Урал. 2010. № 1.

Общим местом в ответах респондентов оказалось сравнение современной литературы с классикой: *«Современная литература — это, хочется верить, не травестированная классика (да не поднимется рука на родителя своего!), а внутренне органичное ее продолжение, в вечных поисках гармонии (как бы ни отрекалась!) слегка заплутавшее, но при этом имеющее собственные художественные принципы и самобытные авторские концепции (да не канут в омуте массовой субкультуры!)»*; *«Может быть, это предрассудок, но, по-моему, современная литература — это или убогая беллетристика, или игра ума и стеб над классикой, перепевы классических мотивов. Мне кажется, ничего принципиально нового в литературе сказать уже невозможно, или нужен гений уровня Шекспира, Сервантеса, Пушкина. Его я пока не вижу»*; *«Современная литература — это лишь тень величия литературы былых лет»*. Кстати, важно подчеркнуть, что такое отношение совпадает и с определенными социокультурными мировыми процессами. Так, например, восприятие российской литературы на Западе остается весьма специфическим. И, как ни парадоксально, виновна в этом в первую очередь русская классика XIX в. «Каждый раз, когда я говорю, что я писатель из России, я вижу в глазах собеседника немой вопрос: “Ты новый Толстой?”», — невесело пошутил на церемонии открытия Лондонской книжной ярмарки-2011 Борис Акунин. — И каждый раз испытываю жуткое смущение, потому что, конечно же, я не гожусь на эту роль». Именно поэтому призывы освободить современную русскую литературу от груза завышенных ожиданий, навязанных фигурами Достоевского, Чехова, Тургенева и Толстого, звучали от многих участников ярмарки⁴.

Не стало откровением резкое разделение аудитории по отношению к этому дискуссионному вопросу. Часть респондентов подчеркивали вторичность и одноразовость новейшей литературы. Вот, например, устойчивые определения: *«Современная литература больше разобщает, чем воспитывает. Читиво на один*

⁴ См. об этом: Юзефович Г. Битва за Британию // Итоги. 2011. № 16. URL: <http://www.itogi.ru/literatura/2011/16/164274.html>

раз»; «Современная литература — это что-то загнивающее, в основном ориентированное на материальную прибыль. Настоящую литературу вытесняет чтиво типа Донцовой, псевдофилософия типа Коэльо, поп-метафизика типа Пелевина»; «Современная литература — очень коварная, так как в большинстве случаев разочаровывает». Другие читатели, напротив, подчеркивая дискуссионность этой литературы, все же говорили о возможности выбора: «Современная литература — это удовлетворение разных потребностей, иногда и приличных. Если совсем кратко, то это “возможность выбора”, так как есть ВСЕ!»; «Современная литература — это большая помойка. Но и на ней иногда случаются поистине гениальные цветы жизни. Человек живет в мире выбора. Не перепробовав 10 книг, не выбрать одной — настоящей. Я пробую все и везде, но соглашусь не со всем».

Важно, что для многих респондентов современная литература помогает поставить диагноз нашей противоречивой современности: *«Литература, в том числе современная, безусловно, воспитывает. “Воспитанием чувства красоты невозможно изменить социальные условия”, — сказал И.-В. Гете. Только воспитывает она гедонистическое общество, ориентированное на удовольствия. Литература не берется с Луны, очевидно, какая жизнь — такие и авторы. Хотя у каждого из них можно чему-нибудь да научиться»; «Современная литература — это возможность интерпретации современной действительности и раскрытие душевного мира и предчувствий человека XXI века»; «Современная литература — это попытка автора описать нашу сумбурную действительность, сдобрить нетривиальными героями с “породистыми” тараканами и приправить все это извечными проблемами»; «Современная литература — это химический опыт, проводимый с нашими мозгами современными авторами посредством смешивания, кромсания, нарезки прошлых мировоззрений».*

Исследования показывают, что читательское поведение становится все более дифференцированным, приобретает все более

индивидуальный характер. Что касается социодинамики читательских интересов, то прежде всего очевидна смена приоритетов. Судя по всему, это связано с тем, что современный молодой человек не очень ориентируется в новейшей русской литературе, знаком лишь с пластом беллетристики. Очевидно, что общая дифференцированность литературного процесса отражается и на читательской аудитории: литературная и общекультурная действительность за пределами собственного социального и информационного пространства фактически не существует для человека, не считающего искусство и литературу своей профессией. Можно сказать, что сегодняшний читатель не является литературно-ориентированным. Практически разминувшись с широким читателем авторы современной русской интеллектуальной прозы. Пересечение номинантов престижных литературных премий с рейтинговыми в читательской среде минимально. Знакомство с новыми фамилиями авторов случается редко и спонтанно, в основном благодаря Интернету либо телевидению, чаще всего о книжных новинках он узнает от своих друзей. В качестве современных авторов чаще всего (не разделяя, что важно, на отечественную и зарубежную литературу) называют Б. Акунина, В. Пелевина, В. Сорокина, Ч. Паланик, Х. Мураками, Д. Киз, С. Кинга, М. Леви, А. Гавальда, Н. Перумова, М. Веллера, В. Токареву, П. Коэльо, Ф. Бегбедера, Я. Вишневского, Л. Улицкую, Т. Устинову, Д. Рубину, С. Лукьяненко.

Изучение современной литературы выводит к междисциплинарным вопросам, связанным и с социологией, и с культурологией, и с философией, и с психологией. Такое расширение поля филологических исследований представляется чрезвычайно важным, поскольку изменения в современном литературном процессе в значительной степени обусловлены изменением круга чтения, унифицированностью запросов и вкусов массового потребителя, которые соответствуют фундаментальным основам современной культуры. В преподавании новейшей русской литературы очень важно создать ощущение многомерности литературного процесса. Как писатель ищет

своего читателя, так и образованный читатель должен уметь отыскать своего писателя, не отвергая других, понимая запросы широкого круга потенциальных адресатов художественных текстов.

Критик Н. Иванова как-то с иронией отметила: «Изменяя литература в меняющемся мире, предмет общих размышлений, коварна в своем течении и развитии. Позавидуем филологам, сосредоточенным на золотом XIX веке, — но здесь, в современности, и для филологов (в том числе), может быть, больше азарта, больше адреналина»⁵. Этот адреналин часто вырабатывается и потому, что дистанция между критиком, литературоведом и писателем мала, возможен непосредственный диалог с автором текстов. В разные разделы книги включены ответы писателей и критиков на предложенные вопросы. Я хочу выразить большую благодарность всем авторам, которые нашли время поделиться своими мыслями. Послав вопросы и получив практически молниеносные ответы, я еще раз убедилась, как важен для современного писателя диалог с читателем, как важно быть услышанным, как важно сформулировать для себя ответы, определить *свое* литературное время. Выбор писателей и критиков был абсолютно субъективен: это круг моего общения (и близкого, и далекого, и эпизодического, и многолетнего, и виртуального). В основном это писатели, которые в разное время участвовали в наших проектах по современной литературе (конференциях, круглых столах, литературных встречах).

Читатель этой книги, познакомившись с тенденциями прозы новой цифровой эпохи, сможет составить самостоятельное представление о современном литературном процессе и продолжить фразу «Современная литература — это...».

⁵ Иванова Н. Свободная и своенравная — или бессмысленная и умирающая? Заметки об определениях современной словесности // Знамя. 2012. № 7. С. 202—208.

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА

ПИСАТЕЛЬ КАК ЧИТАТЕЛЬ: БЫТОВАНИЕ АВТОРА В УСЛОВИЯХ «РИДИНГФОБИИ»

Сегодня, когда сбой в функционировании механизмов культуры очевиден, трещины в современном обществе обнаруживаются не только на идеологических и экономических уровнях, но и на уровне культуры, в том числе и культуры чтения. На наших глазах словарь современных обществоведческих терминов пополнился понятием *«ридингфобия»* (синдром Джексона) — навязчивый страх перед чтением.

Появляющиеся чуть ли не каждую неделю книжные новинки обрекают потенциального читателя на растерянность, провоцирующую и раздражение, и неприятие современной литературы. «Русскую литературу разлюбили. Ею — делая исключение для нескольких раскрученных имен — больше не интересуются. Ее сторонятся. Хотя к ней, впрочем, вполне снисходительны: пусть, мол, пока живет. Но отдельно. Сама по себе. Вдалеке от мейнстрима первоочередных общенациональных и личных забот»⁶, — с грустью отмечает главный редактор журнала «Знамя» С. Чупринин.

Негативные тенденции книжного рынка не исчерпываются только сокращением чтения. Изменилось отношение к книге и чтению вообще. Чтение перестало быть человеко- и культурообразующим ресурсом, книги читают либо строго функциональ-

⁶ Чупринин С. Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. № 1. С. 112.

но, либо рутинно, примерно так же, как автоматически переключают кнопки телевизионного пульта. Большая конкуренция на книжном рынке требует от писателя непосредственного поиска *своего читателя*. Очевидно, что сегодня мы наблюдаем превращение *читателя-ученика*, столь милого русской классической литературе, в *читателя-покупателя*. Поэтому главными технологиями в современной литературе становятся технологии рынка и производства. Очевидно, что подавляющее число современных писателей, особенно массовых, не стали, да и не могут стать «группой духовного поиска», как выразительно назвал писателей, которые влияют на формирование души, философ Г. Померанц⁷. На наших глазах происходит десакрализация книги, которая воспринимается как одноразовый продукт.

Мы существуем в мире кризиса ориентиров, кризиса авторитетов, когда девальвировалось само понятие «лидер чтения». За последние годы многое изменилось и в стратегиях писателей, и в читательских вкусах, и социокультурных параметрах эпохи, и в духе времени, и в настроении общества. В этой ситуации представляется интересным взгляд современных писателей на актуальную проблему навигации в современной литературе и на взаимоотношения с читателем. В условиях деканонизации образа книги слово писателя дескарализируется и нуждается в обсуждении и уточнении социокультурными параметрами эпохи, в которой причудливо переплетаются тенденции угасания интереса к высокой литературе и жажда сохранить литературную идеологию.

В период отсутствия единых критериев оценки художественных произведений и согласованной иерархии литературных ценностей становится очевидной необходимость взгляда на новейшую литературу как на своего рода *мультилитературу*, т.е. как на конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур. Сегодня идет явный процесс фрагментации

⁷ Померанц Г. О том, как русская литература замещала церковь // Российская газета. 2005. № 3865. С. 4.

общества, замыкания в стратах, известный литературный текст оказывается инструментом идентификации некоего социального статуса. Принципиально значимым оказывается то, что зачастую на выбор читателем «своего» уровня художественного текста (от «филологического романа» до боевика, от романов В. Маканина до иронического детектива Д. Донцовой, от постмодернистских текстов В. Пелевина до произведений Б. Акунина и т.д.) влияет принадлежность к той или иной страте общества. В этих условиях читателю невероятно сложно найти *свой* текст, но не менее сложно писателю найти *своего* читателя.

«Наша эпоха — культура переполненной памяти, передоверенной Интернету и компьютеру. Эта память безмерна, а следовательно, ее как будто и нет. Пользователю не добраться до нужного закоулка в лабиринте, не докопаться до сокровищ в груди анонимных знаков и фактов. По силиконовой долине не пройти без поводыря. Требуются сталкеры, владеющие приемами выкликания»⁸, — эти образные слова Е. Костюкович, переводчицы У. Эко, точно иллюстрируют время разорванных связей и утерянного культурного кода. Необходимость подобных «сталкеров» очевидна. Может ли в этой роли выступить современный писатель?

Известные отечественные писатели согласились ответить на предложенные вопросы, формулировка которых была обусловлена несколькими причинами: с одной стороны, в многочисленных интервью современных писателей, в их записях в собственных блогах, на сайтах издательств, в публицистических статьях звучит грустная мысль о некотором вакууме, в котором оказываются их новые книги. Как известно, сейчас нет проблемы в публикации текста, проблема состоит в том, прочтает ли его кто-то. С другой стороны, те же участники современного литературного процесса довольно презрительно относятся к современной литературе, не ориентируются в ее тенденциях и не ощущают себя в контексте большой

⁸ Костюкович Е. Культура переполненной памяти. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/4045800>

литературы. Прежде всего значимым представляется осознание современными писателями своей роли, попытка определить свое литературное время. Кроме того, важен и другой теоретический ракурс: ощущают ли писатели себя активными участниками литературного процесса, следят ли за литературными новинками отечественной и зарубежной литературы, представляют ли себе читателя, для которого пишут. Поэтому было интересно познакомиться с ответами на следующие вопросы.

- 1. Читаете ли вы своих современников? Если да, то как выбираете книги для чтения? Какой способ навигации можете посоветовать читателю?*
- 2. Удастся ли вам следить за тенденциями современной зарубежной литературы?*
- 3. Представляете ли вы себе читателя, для которого пишете? Важен ли для вас непосредственный диалог с ним (на встречах, презентациях, в блогах и т.д.)?*
- 4. Высказывание писателя — это его произведение? Или должны быть еще другие способы диалога с читателем и с эпохой?*

Евгений Водолазкин

1. Читаю. В литературной среде хорошие вещи всегда на слуху, здесь трудно пройти мимо. А кроме того — существуют литературные премии. Есть смысл ориентироваться на них.
2. Кое-что я читаю, но не так подробно, как русские тексты.
3. Это, конечно же, альтер-эго. Непосредственный диалог важен — изредка. Он не должен быть ежедневным.
4. Безусловно, главное высказывание — произведение. Все остальное — факультатив.

Андрей Аствацатуров

1. Да, разумеется. Я в постоянном диалоге со своими современниками. Способ навигации в современных условиях — читать авторов, которые являются финалистами литературных премий.

2. Да, естественно.

3. Да, важен. Я даже стараюсь всегда сделать какую-то предпубликацию, чтобы услышать замечания, посмотреть на текст со стороны. Когда выходят книги, я провожу встречи и презентации — мне важно объяснить свой замысел. Дальше читателю решать, насколько он реализовался. Как правило, я пишу одно, получается другое, читатель видит нечто третье.

4. Смотря в какой парадигме мыслить. Мне тяжело отвечать на подобные вопросы — я профессиональный филолог. Я пишу потому, что это меня меняет, я пишу, чтобы лучше понять свою эпоху, тексты своих друзей и современников. Но я ставлю цель — написать законченный текст. Лично меня интересуют только тексты. Физиономии, стоящие за ними, судьбы, медийные образы — мне неинтересны. Но в современной культуре автор, если хочет быть известным, должен быть еще кем-то. В этом смысле Захар Прилепин — почти идеальный пример успешного автора.

Алексей Слаповский

1. Да, читаю. Во-первых, тех, кого привык читать, и кто мне друг или близок. А навигации знаю два способа. 1. Лонг и шорт-листы премий (БК, Букер), ибо туда все-таки совсем слабые вещи не попадают. 2. Прихожу в магазин и начинаю листать. После первых десяти страниц понимаю, куплю или оставлю в магазине. Иногда покупаю. Так набрел когда-то на книгу Санаева «Похороните меня под плинтусом». Понял, что она хорошая, не смотря на то, что все ее хвалят. Унес, с удовольствием дочитал до конца.

2. Очень поверхностно.

3. Главные высказывания в произведениях. Остальное, как бы ни было занято, все равно посиделки с семечками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru